

Глава 6 – Один год

С какого угла не посмотри, все ряды саженцев были идеально прямыми, а сами саженцы были расположены на одинаковых расстояниях друг от друга.

Не каждый опытный садовник был способен на такое.

Увидев настолько идеальный сад, у Лю Шисуя отвисла челюсть от изумления

Саженцы нежно развевались на ветру. Как же прекрасно всё это выглядело.

Юноша в белом стоял на горном хребте и кивнул, так как был удовлетворён проделанной работой. Он затем направился к своему бамбуковому креслу и сел, откинувшись на её спинке, чтобы поспать.

- Молодой господин, мне теперь нарубить дров? – спросил Лю Шисуй, уставившись на него.

В связи с тем, что юноша в белом не считал себя бессмертным мастером, жители деревни после некоторых обсуждений решили называть его “Молодым господином”.

- Нет, ты можешь остановиться на этом,- ответил юноша в белом, не открывая свои глаза.

Лю Шисуй не понял, что он имеет в виду, и спросил:

- Или приготовить покусать?

Юноша в белом на этот раз проигнорировал его.

До Лю Шисуя наконец-то дошло значение слов юноши в белом, но он не смог понять, почему тот так быстро передумал.

- Я хочу научиться, но мне это не нравится, - сказал юноша в белом. – Даже если хуафан* стоит потраченного на него времени, он не подходит для меня.

(Хуафан* - один из магических искусств).

- Почему нет? – спросил Лю Шисуй, так как ничего не понял.

- Потому что я ленивый и не очень хорош в нём.

- Тогда в чём вы хороши, молодой господин? – воодушевлённо спросил Лю Шисуй.

В легендах, которые рассказывали в его деревне, бессмертные мастера, снизошедшие из гор, могли призывать молнию и гром одним мановением руки и их летящие мечи могли парить по небу.

- В резании, - ответил юноша в белом.

У всего в этом мире было слабое место.

Он отлично умел находить эти слабые точки и резать их, будь это магические оружия, доспехи или даже горы.

Лю Шисуй не ожидал услышать такой ответ и был даже слегка разочарован им. Он мог лишь почесать голову и сказать:

- Тогда неудивительно, что вы так хорошо нарезаете овощи.

Ветер подобрал лист, отломившийся с дерева. Он отломился так ровно, как будто кто-то отрезал его мечом.

Затем раздалось пение цикад. Должно быть, это было первое их пение за этот год.

Юноша в белом открыл глаза и всмотрелся на горные вершины вдали, скрытые облаками.

Лю Шисуй поднял упавший лист и спросил:

- Молодой господин, а как вас зовут?

Юноша в белом некоторое время молчал и в конце ответил:

- Цзин Цзю.

- Цзин Цзю?

- Да, “Цзин” от слова “колодец” и “Цзю” от числа “девять”. “Колодец” как в фразе “вода из колодца не пересекается с рекой”, а “девять” – из фразы “в девяти случаях из десяти всё происходит не по-твоему”. Тебя вообще обучали грамоте?

- В деревне раньше был учитель, но он ушёл в прошлом году в город, кажется, чтобы проводить

экзамены у юных учеников.

- Я тоже учился.

- Правда?

- Да, если ты что-то не понял, можешь спокойно спрашивать у меня.

- Спасибо, молодой господин.

- Ммм.

Лю Шисуй вот уже девятый день видит лицо юноши в белом, поэтому, можно сказать, что он уже привык к нему, однако, красота этого юноши действительно была неопиcуемой.

- Вы кажется...не в настроении сегодня?

Взгляд юноши в белом был всё ещё прикован к горным вершинам и он долго молчал перед тем, как неожиданно заговорить:

- Очень сложно не раздражаться, когда тебе приходится делать одно и то же снова и снова.

Лю Шисуй задумался над его словами и сказал:

- Ну...если вы говорите о добавлении мяса к блюдам...

...

...

Целый год прошёл в мгновение ока и уже наступила поздняя весна.

Жители деревни разделились на два лагеря из-за юноши в белом, который назвал себя Цзин Цзю. Одни считали его бессмертным мастером из Зелёных Гор, в то время как другие думали, что он потомок какой-то аристократической семьи из города или даже из столицы. Но мнение всех жителей деревни сходилась в одном – этот юноша в белом был самым ленивым человеком, которого они когда-либо видели.

В течение этого года любимым занятием жителей деревни стала прогулка по деревне до дома семьи Чэн – независимо от того, кем был Цзин Цзю, им нравилось смотреть на его лицо. Но

Цзин Цзю всё время спал, когда бы они не пришли. Если солнце уже село, то он спал на своём бамбуковом кресле на дворе. Если день был облачным, он спал на кровати в своей комнате. Если снаружи было слишком жарко, то он располагался поближе к пруду и спал под деревьями. Если шёл снег, он возвращался в комнату, но оставлял окна открытыми.

Никто не видел, как он занимался какой-либо работой, кроме тех девяти дней в начале. Он не заправлял свою кровать и даже не одевался сам – во всём ему помогал Лю Шисуй. Даже то бамбуковое кресло за ним таскал Лю Шисуй.

Но, несмотря на это, жители деревни всё ещё искренне уважали Цзин Цзю. Когда дети в деревне читали книги, то Цзин Цзю иногда помогал им советами. Если верить словам тех детей, то молодой господин был в триста раз мудрее их учителя в школе.

И, что самое главное, у Цзин Цзю было очень много денег и он не боялся их тратить. Даже если в начале жители не осмеливались просить у него денег, потом зал предков и святыня уже спокойно тратили его деньги и даже новая дорога, связывающая деревню с городом, была наполовину закончена благодаря его спонсорству.

- Молодой господин, будьте осторожны! Не упадите снова в пруд, когда будете отдыхать.

Лю Шисуй нёс на спине груды веток из гор и с беспокойством посмотрел на Цзин Цзю, отдыхающего на своём кресле.

Однажды Цзин Цзю упал в пруд и тогда отец Лю Шисуя сильно ругал его за то, что он не смог хорошенько позаботиться о бессмертном мастере.

Цзин Цзю лишь хмыкнул, хотя было непонятно, это ответ на беспокойство Лю Шисуй или он просто наслаждается отдыхом. Но, кажется, всё-таки второй вариант ближе к правде, так как он начал постукивать пальцем по креслу. Стуки были хаотичными, без какой-либо гармонии, как будто ему было лень даже постукивать под мелодию.

Лю Шисуй в начале немного колебался, но в итоге положил на землю ветки и сел у дерева, обняв колени. Он пристально следил за бамбуковым креслом, не смея терять бдительность ни на секунду.

Сейчас ему уже было одиннадцать, но его всё ещё называли “Десятилетним”. Судя по всем, Цзин Цзю даже не намеревался давать ему новое имя. Скорее всего, ему как всегда было просто лень.

Но Лю Шисуй оставался таким же честным и надёжным. Он собирался честно служить молодому господину, так как дал обещание своему отцу.

Постукивания Цзин Цзю пальцем начали становиться всё интереснее. Лю Шисуй не мог

описать это словами, но он чувствовал, что его сердце становится безмятежнее с каждой секундой.

Горный ветер создал рябь на поверхности пруда. Солнце садилось и приближалась ночь.

- В последние два раза ты слишком рано сделал выдох,- сказал Цзин Цзю.

Лю Шисуй сначала растерялся, но затем стал бдительнее:

- Понял.

Цзин Цзю открыл глаза и взглянул на пруд.

Вечерний ветер уже ослаб и сейчас поверхность пруда была гладкой, как зеркало.

Он посмотрел на лицо, отражённое на поверхности, и от шока надолго потерял дар речи.

Оно было красивым.

Оно было идеальным.

Если это лицо было красивым, как картина, то она, наверное, была написана лучшим за последние миллион лет художником.

Он не встречал такое лицо даже в мире культиваторов, в котором было бесчисленное количество красивых мужчин и прекрасных женщин.

В этот момент звёзды на небе тоже отразились на поверхности пруда и отражение его лица стало выглядеть ещё более неземным.

Он и раньше видел своё лицо, но только сейчас до него дошло, почему жители деревни приняли его за бессмертного мастера.

Никто не мог быть недоволен таким лицом, даже Цзин Цзю.

Ему просто одно место казалось странным.

Он протянул руки и пощупал свои уши.

Это были торчащие круглые уши и, как ни странно, они сочетались с его лицом, делая его более милым.

Он понимал причину этого, просто ещё не привык к этому.

Вечерний ветер снова усилился, стерев его отражение с поверхности пруда и сбив его мысли.

Всё это было похоже на сон, прямо как у Сестры Лянь в Святыне Шуюэ.

Цзин Цзю вернулся на своё бамбуковое кресло. Ему захотелось попить воды, но увидев, что чайник стоит чуть подальше от кресла и ему придётся снова встать, чтобы взять его, он взглянул на Лю Шисуя.

Лю Шисуй в этот момент играл с жуками в траве. Почувствовав взгляд Цзин Цзю на своей спине, он поднял голову, чтобы посмотреть, что случилось. Он вздохнул, встал и подал Цзин Цзю чайник с водой.

Цзин Цзю попил немного воды и снова закрыл глаза.

Лю Шисуй не стал возвращаться на своё место и просто присел рядом с бамбуковым креслом, уставившись на спящее лицо Цзин Цзю.

Как вообще человек может быть таким красивым?

Так как он чаще всех видел это лицо в течение года, он знал, что оно немного изменилось за это время. Не в физическом смысле, а...возможно в духовном?

Молодой господин больше не выглядел таким скучающим, как раньше. Его глаза с каждым днём становились жизнерадостнее. Он даже начал чаще разговаривать.

Цзин Цзю открыл свои глаза через три секунды.

Лю Шисуй был удивлён этим. В течение последнего года молодой господин ни разу не открывал глаза настолько быстро, без разницы, был ли это ночной сон или он просто решил вздремнуть на минуту.

- Что вы делаете?

- Я пытаюсь предугадать что произойдёт в течение следующих трёх лет,- ответил Цзин Цзю, взглянув на звёзды.

Лю Шисуй почесал голову. Цзин Цзю же весь день спит. Откуда взялась эта штука с предсказаниями?

Цзин Цзю будто знал, о чём думал Лю Шисуй, и сказал:

- Я пытаюсь предугадать что произойдёт в течение следующих трёх тысяч лет.

- Три тысячи лет? – удивлённо воскликнул Лю Шисуй.

- Скажем, ты ломал себе голову, потратил много сил и времени, чтобы написать произведение высочайшего качества, и тебе кажется, что ты никогда больше не напишешь что-то даже отдалённо близкое к нему по качеству. Что ты будешь чувствовать, если оно случайно упадёт в костёр и превратится в пепел? – спросил Цзин Цзю.

Лю Шисуй призадумался немного, затем прижал руки к сердцу и ответил:

- Даже не хочу думать об этом. От одной лишь мысли об этом у меня болит сердце.

- Не просто боль, а пытка, - добавил Цзин Цзю. - Мучительная пытка.

Это была такая боль, к которой невозможно сочувствовать, пока сам не пройдёшь через эту пытку.

Такая боль, испытывая которую, ты лишь молишь о смерти.

Но, как бы больно тебе не было, что тебе остаётся, кроме как не написать это произведение заново?

Лю Шисуй тоже понимал это.

- В таком случае, я могу лишь написать его заново.

- Да, остаётся лишь написать всё заново, - повторил за ним Цзин Цзю.

Но Лю Шисуй внезапно вспомнил о чём-то и сказал:

- А что насчёт всех тех замечательных слов, фраз и историй, которые сгорели вместе с произведением? Что если ты не сможешь вспомнить их?

- Очевидно же, если ты не смог вспомнить их, значит они были недостаточно хороши, - сказал

Цзин Цзю, продолжая смотреть на горные вершины, скрытые облаками. – Когда ты будешь во второй раз, у тебя получится ещё более прекрасное произведение.

Лю Шисуй не знал, есть ли логика в словах молодого господина или нет. Вспомнив предыдущую тему разговора, он спросил у него:

- Молодой господин, что вы смогли предугадать? Будет ли много дождливых дней в следующие три года?

Цзин Цзю посмотрел на деревья неподалёку и ответил:

- Я лишь предугадал, что время уже настало.

...

Ночь того же дня.

Дул ночной бриз и один культиватор средних лет медленно приземлился на землю. На его спине был длинный меч.

Лю Шисуя испугало появлением незваного гостя и спрятался за бамбуковым креслом.

Взгляд культиватора средних лет остановился на Цзин Цзю. Он слегка приподнял брови, как будто это была неожиданная встреча для него.

...

...